

Доцільність ігрової діяльності полягає у свободі вибору самої ігрової ситуації. Гравець, приймаючи умови гри, завдяки автономності своєї «самості» має право «вийти з гри» в разі невідповідності своїм особистим інтересам. Таким чином, в ігровій діяльності анулюються та долаються всі конфлікти.

С.Р. Яголковський (6) підкреслює важливість емоції як продукту художньої творчості. Емоційний фон художнього твору призводить до приємного стану збудження, радості та натхнення, він також залучається в творчий процес. В цьому стані людина здатна переживати інтегральну єдність свого «Я» з навколишнім світом. Творча діяльність має і зворотній процес – той емоційний ефект, що виникає у «споживача» художньої продукції, що і є мірилом продуктивності естетичної діяльності.

У М.С. Старчеус досліджує такі особливості психоемоційного впливу музики, як «емоційна рефлексія». «Емоційна рефлексія» має здатність «відавати собі звіт» в тому, що зараз відбувається у внутрішньому світі. Вона є усвідомленням емоційного переживання (5, с. 123). Емоційна рефлексія відбувається за законами символіки і таким чином не відсторонюється від змісту музики, а призводить до нього. Для музики в її виразності є характерним умовно-символічний емоційний зміст, що має труднощі в номінації емоційно-психологічних комплексів, який має елемент «тайнства і таємниці» (5, с.126).

І.Г. Петров робить спробу (2) вирішити питання про те, яким чином емоції співвідносяться з їх значенням, як з'являються ситуативні «орієнтації» та «прогнози», наскільки емоції мають предметність думки. Він вважає, що символізм емоцій можливо розкрити завдяки «внутрішнім контекстам» і, насамперед, чуттєвістю до деталей, що можна визначити емоційним інтелектом. «Внутрішній зміст» втілює значення завдяки текстуальній виразності. Проте в музичному мистецтві текстуальність має вигляд максимально абстрагованого емоційного знаку і тому може мати «внутрішній контекст» у відповідності з множинністю можливостей його розкодування. Умови для створення певних емоційно-психологічних комплексів в організації музичної побудови виконує ігровий тип мислення.

Таким чином, можна зробити висновок про те, що емоційно-психологічні механізми організації ігровою типу мислення забезпечують саморегуляцію «Я» в емоційно-психологічних комплексах «закодованої інформації», що складає основу естетики музики

Джерела та література:

1. Виллонас В. К. Основные проблемы психологической теории эмоций / В. К. Виллонас // Психология эмоций. Тексты / под ред.: В. К. Виллонаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 3-28.
2. Петров И. Г. Фундаментальные функции эмоций как органа индивида и индивидуальности / И. Г. Петров // Мир психологии / гл. ред. Д. И. Фельдштейн. – М., Воронеж, 2002. – № 4 (32). – С. 21-30.
3. Симонов П. В. Информационная теория эмоций / П. В. Симонов // Психология эмоций. Тексты / под ред.: В. К. Виллонаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 178-186.
4. Спиноза Б. О происхождении и природе аффектов / Б. Спиноза // Психология эмоций. Тексты / под ред.: В. К. Виллонаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 29-47.
5. Старчеус М. С. Тайны и мифы эмоционально-психологического воздействия музыки на человека / М. С. Старчеус // Мир психологии / гл. ред.: Д. И. Фельдштейн. – М., Воронеж, 2002. – № 4 (32). – С. 116-127.
6. Яголковский С. Р. Эмоции в творчестве / С. Р. Яголковский // Мир психологии / гл. ред. Д. И. Фельдштейн. – М., Воронеж, 2002. – № 4 (32). – С. 65-71.
7. Апинян Т. А. Красота игры без правил / Т. А. Апинян. – М. : Наука, 2000. – 159 с.

Катунина Е.В.

ТРАДИЦИОННАЯ БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА МОЛОКАН ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX В.

В истории бывшей Российской империи существовали примеры самоорганизации религиозных групп, в частности, духоборцев и молокан, оппозиционных правящей православной церкви, которым в условиях политических преследований удавалось сохранять и развивать свою самобытную культуру.

В статье, на основе материалов Государственного архива АРК, а также научно-публицистических источников по истории молокан, изданных в XIX веке, проанализированы причины их переселения в Таврическую губернию в начале XIX в., а также рассмотрен процесс становления традиционной бытовой культуры выходцев из Архангельской, Новгородской, Тамбовской губерний в нестандартных, сложнейших природных условиях засушливой степи юга Украины.

Молокане и духоборцы квалифицируются специалистами как самобытные конфессиональные направления духовного христианства, получившие широкое распространение в Российской империи во второй половине XVIII-XIX вв. Среди историков религии существуют различные точки зрения по поводу происхождения данных конфессий. В 1905 году в журнале «Живописная Россия» была опубликована статья Я. Абрамова «История духоборцев и молокан», в которой он пишет: «Народ и доселе во многих местах называет безразлично тех и других сектантов «молоканами», обозначая тем же именем и многие новейшие секты. Правительство также долго называло представителей обеих сект безразлично то «молоканами», то

«духоборцами» и принимало по отношению к ним одинаковые меры. Обе секты, тотчас же по своем возникновении, стали быстро распространяться, и к началу прошлого столетия духоборство было распространено по всему югу России, а на севере поднималось вплоть до Новгородской губернии, молоканство из Тамбовской губернии перешло в соседние Рязанскую, Пензенскую, Саратовскую и Воронежскую, проникло далее в Симбирскую и Самарскую, спустилось в Астраханскую губернию, на Дон и на Северный Кавказ»[1].

О существовании и распространении новых сект не знали даже ближайшие к народу власти, светские и духовные, и потому сектанты были свободны от преследований. Но уже с 1779 года правительство обращает внимание на распространение новых сект и начинает преследовать их сторонников. Такие преследования усилились к концу царствования Екатерины II и особенно стали жестокими со вступлением на престол императора Павла. В частности, в сообщении войсковой канцелярии Войска Донского говорится о наказаниях, которым подвергались инакомыслящие, т.е. – духоборцы и молокане, а именно: «на основании Указа Его Императорского Величества от 30 марта 1800 г. наказать кнутом казаков – мужчинам по 25 ударов, а женщинам – по 15 ударов и удалить за буйную против веры и Закона мысль на вечное поселение их и малолетних детей на время их злости» [2].

В период царствования Екатерины II массовое переселение молокан в Таврическую губернию происходило насильственным путем. Делалось это с обычной жестокостью. Молоканам не давали время для продажи недвижимого имущества. А.В. Тикунов пишет: «а вот тебе срок: запрягай фургон, грузи скарб, привязывай к задку корову, две и двигай. А дома, усадьбы, гумна, мельницы, мосты, причалы, лодки, плотины с водозаборными устройствами (молокане вели поливное огородничество) – все в виде дара императрицы доставалось немцам, в то же время переселявшимся в Поволжье по инициативе немки-царицы. Было ли это случайное совпадение, или сделано преднамеренно – трудно сказать. Способность молокан быстро обживать и благоустраивать безлюдную, пустую, дикую местность, навлекла на них много бедствий» [3].

После вступления на престол Александра I, отношение новой власти страны к сектантам резко изменилось. Помимо общего либерального направления политики первой половины царствования Александра I и его личной терпимости, верующие-сектанты улучшением своего положения обязаны сенатору Лопухину, являвшегося доверенным лицом императора.

Командированный царем для обозрения Слободско-Украинской губернии, Лопухин познакомился здесь с достаточно сложными условиями жизни верующих. При вступлении на престол Александр I высочайшим указом возвратил из ссылки в Сибирь большую группу духоборцев и молокан. Согласно этого указа харьковские духоборцы возвратились из ссылки в августе 1801г. В это же время Лопухин лично ознакомился с бытом духоборцев и высказал достаточно лестное мнение об их образе жизни. Духоборцы обратились к Лопухину с просьбой о том, что распоряжения высшего руководства страны не спасут их от притеснений местных властей, и что, во избежание этого они хотели бы создать особое поселение. Пожелания верующих было оформлено в виде прошения, поданного духоборцами через сенатора в канцелярию императора. В ответ на это обращение последовал указ об отводе для поселения духоборцев территории по р. Молочной в Мелитопольском уезде Таврической губернии [4]. В указе речь шла об отводе для поселения духоборцев «земли в Мелитопольском уезде на Молочных Водах ... в селениях Богдановка, Троицкое, Спасское, Терпение, Тамбовское, Горелово, Кирилловское» [5].

Право переселяться на Молочные воды предоставлялось всем желающим молоканам и духоборцам. В сообщении войсковой канцелярии Войска Донского от 31 июля 1802 года говорится о переселении из Архангельской губернии на Молочные Воды Таврической губернии отставных казаков. Местному начальству предписывалось «чтобы они (авт. – *молокане*), не имели вредного влияния, детей – мальчиков, не достигших пятилетнего возраста, распределить в гарнизонные школы, а девочек – в монастырь, мыть полы, пока не обратятся к православной вере»[6].

На каждого верующего отводилось по 15 дес. земли. В 1810 году в поселении Богдановка насчитывалось «мещан – шесть мужчин, женщин – три; однодворцев (оброчных) – шесть мужчин и десять женщин; обывателей – двенадцать мужчин и девять женщин; казачьих поселенцев – 43 мужчины и 29 женщин; экономических крестьян (оброчных) – десять мужчин и шесть женщин. В Троицком – мещан – мужчин насчитывалось пять человек, а женщин – три»[7].

Переселенцам предоставлялись различные льготы: они освобождались на пять лет от податей; на подъем каждому семейству выдавалось по 100 рублей, при этом им на 30 лет предоставлялась рассрочка по уплате. Однако, эти льготы предоставлялись лишь первым переселенцам, а последующие пользовались только двухлетней льготой от податей.

Указом о переселении воспользовались прежде всего духоборцы. Затем, когда на юг Украины прибыли группы верующих молокан и духоборцы отказались принимать их в свои поселения, правительство узнало о существовании двух самостоятельных сект. Молоканам были отведены земли отдельно от духоборцев. В последующие годы правительство начало проводить политику ограничений в иммиграции верующих на юг Украины, а в 1824 был издан указ о запрете переселения верующих.

К концу царствования Александра I на Молочных водах было создано более 15 деревень, населенных сектантами, и общее число их здесь превышало 20 тыс. человек [8].

В сообщении Казенной экспедиции говорится о том, что переселенцы занимались «землепашеством и сенокосительством» [9].

Молокане получили возможность нанимать на определенный срок казенные и «владельческие» земли и создавать здесь свои хутора ...[12, с. 293].

Из заметок земского врача В.Корсакова о быте молокан селения Ново-Васильевка – одной из административных единиц Бердянского уезда Таврической губернии говорится о том, что: «Селение расположено на ровной степи, с возвышенностью в одну сторону... Улицы селения ровны, широки и красивы, так как по обе стороны перед каждым домом имеется или фруктовый сад с цветником или просто деревья... яблони, груши, абрикосы, шелковицы... первые поселенцы обязательно должны были разводить сады, за что получали от правительства вознаграждение...

При поселении каждая семья получила под усадьбу... две десятины. У всех первых поселенцев дома построены по одному образцу, заимствованному... у соседей колонистов-немцев (*менонитов* - авт.). На улицу *план* обнесен кирпичной оградой, сложенной каким-нибудь узором и редко гладкой стеной. Отступив от ограды сажени две-три, вокруг дома разбит сад с фруктовыми деревьями; из других пород чаще всего встречаются белая акация, карагач, жимолость. Много разведено цветов: роз, ирисов, пионов и других... [10, с. 739]. Дома строились из кирпичика, в два этажа, с большим количеством окон. Посреди дома располагалось каменное крыльцо со стеклянными рамами, называемое *фонарем*. Из этого *фонаря* был вход в сени, а сам дом был разделен на три части: переднюю или парадную, где помещался хозяин. Здесь принимались гости и проводились собрания. Дверь в заднюю часть дома вела в кухню, а средняя дверь в жилое помещение. Некоторые дома были построены по иному плану – средняя дверь вела из сеней в кухню, а задняя часть дома предназначается для семьи.

Комнаты в доме были светлыми, чистыми и высокими. У многих семей стены были оштукатурены и выбелены, а полы покрашены.

Второй этаж дома, называвшийся «потолком», выполнял функции кладовой, здесь же хранилось и зерно.

Корсаков пишет о том, что все дома молокан были выбелены снаружи с окраской в светло-голубой или в светло-зеленый цвета, для чего в раствор извести добавляется железный или медный купорос. Левую сторону дома занимало жильё для рабочих, баня, амбары, кладовые и другие помещения. Баня была у каждого молоканина... Середину двора занимали конюшня, сарай, помещение для скота. За постройками имелся небольшой огород, на котором высаживался картофель, или бахча. На дворе всегда отводилось место для «тока», где производилась молотья хлеба, веяние зерна и пр. Тут же, по окончании работ, складывались стога соломы, идущей на топливо.

Убранство молоканского дома среднего достатка составлял старинный комод-шкаф с посудой в верхнем отделении; вдоль стены располагались скамьи, в переднем углу стоял стол, несколько стульев... У многих на стенах были нарисованы краской горшки с цветами. У многих на окнах стояли цветы и весели занавески. В других комнатах стояла широкая двуспальная кровать с пологом, на которую днем складывались все постели и подушки семьи. Здесь же находился сундук специальной конструкции.

В парадной... комнате на столе или на окне всегда лежала Библия (Ветхий и Новый завет), сборник духовных песен [10, с. 741].

Корсаков пишет о том, что в богатых семьях встречалась и «венская мебель, ломберные столы и другие предметы роскоши. Совсем не тот вид имеют дома последних поселенцев, построенные большей частью из земляного кирпича, невзрачные, плохо огороженные, выказывающие бедность проживающих... [10, с. 741].

А.И. Столов, изучавший быт переселенцев, пишет об острой нехватке питьевой воды: «поселение в полном смысле слова безводно, т.к. во всех колодцах вода горько-соленая, противная на вкус» [11, с. 739].

Приазовские степные земли в результате частых засух были не приспособлены для земледелия. Местные жители и переселенцы занимались скотоводством, а точнее – овцеводством. Документальные источники XIX в. сообщают, что «в овцеводстве молокане достигли поразительных успехов. Стада многих из них, по отзывам беспристрастных знатоков-овцеводов, поведены по правилам разумного улучшения породы. Так, братья Мазаевы, у которых до 30 000 овец, Захаровы, Ивановы, Мамонтовы и многие другие имеют вообще многошерстных, хорошего строя мериносовых овец и от 6 000 до 15 000 голов [12, с. 292].

По свидетельству современников молокане «с первого взгляда, обращают на себя внимание разумным выражением лиц и особенной осмысленностью речи. Вообще они отличаются трезвостью, хорошей нравственностью, трудолюбием и предприимчивостью [12, с. 292]. Между ними много мастеровых, кузнецов, столяров, портных и других ремесленников [11, с. 310].

Мужчины одевались, как правило, в ситцевую рубаху с жилетом, жакет или кафтан из темно-синего сукна («чамарка»), который на зиму подбивался овечьим мехом, а также в зависимости от погоды – шапку, шляпу или фуражку... и высокие сапоги. В грязь молокане всегда надевали глубокие резиновые калоши.

Женщины-молоканки, как свидетельствуют документальные источники, любили наряжаться и предпочитали «особые цвета, носившие название «молоканских»: желтый, зеленый, голубой и коричневый. Фасон одежды был взят у немцев... В. Корсаков пишет, что идеал женщины у молокан – это «баба сытая», а весь ее костюм был рассчитан на «дородство». Ради этого шилась огромной ширины юбка, на которую уходило до двенадцати аршин материи. Широкими складками она ложилась на молоканке и придавала ей действительно весьма внушительный вид. Юбка подвязывалась высоко на талии; сверху надевалась небольшая кофточка. «Спереди на юбке фартук такого же цвета, как материя на юбке и столь же широкий; на фартук берется ткани не меньше шести аршин. Голову повязывают белым платочком с красными каемками. У девиц косы опускаются вниз с вплетенными в них красными, синими и зелеными лентами. В руках у каждой молоканки должен быть тоже беленький платочек, называемый «ручником» [10, с. 741].

Женщины, помимо белого платочка, надевали сверху еще большой платок, а на плечи еще третий платок. Любимые платки молоканок – вязанные желтые с синими звездами. Любимой тканью для платья

являлся, так называемый, *шалон* палевого или голубого цвета, в цветках или различных разводах. Богатые молоканки носили платья из шелка и атласа.

По праздникам, нарядившись, молокане посещали собрания, проводившиеся трижды: утром от семи до девяти часов летом, от двенадцати до двух и от шести часов вечера. По установившемуся обычаю, по окончании собрания, первыми выходят женщины и останавливаются на улице у крыльца, пока начнут выходить мужчины.

Утром до собрания в праздничные дни молокане ничего не ели и не пили. Придя домой, сразу же садились за чай с горячими... лепешками или «пирогам». Пирогам называли пшеничный хлеб. Как утверждали современники, «редко в столичных пекарнях можно было найти такой хороший пшеничный хлеб» [12, с. 293]. В 12 часов молокане обедали. Обед состоял, как правило, из сваренного из баранины, жирного и густого *лапшовника*, или шей с бараниной и молочной пшенной каши. Так как гречиху молокане не сеяли, то для каши использовалось пшено. Основой пищи молокан была баранина во всех видах, мука и пшено. После обеда обязательно опять пили чай с медом. Вечером ужинали остатками от обеда. Зимой молокане употребляли в пищу преимущественно мясную пищу, а летом – молочную и растительную. Любимым летним блюдом молокан была, по свидетельству земского врача В. Корсакова, *окрошка*, для приготовления которой брали светлый арбуз, который очищали и разрезали на куски, а затем заливали его квасом. Ели такую крошку с хлебом. Любимым блюдом молокан также был *картошник*, который готовился следующим образом: сваренный картофель протирался, к нему добавлялись сливки, масло и все это запекалось в печи. Часто в молоканском меню были блины [10, с. 742].

Молокане никогда не употребляли в пищу свинину, зайчатину, красную рыбу и икру, раков, рыбу без плавников.

Каждую субботу в домах производилась генеральная уборка и устраивалась баня «от мала до велика». После бани – чай и вечернее собрание, которое проводилось довольно поздно, часов в восемь-девять, и вследствие этого, не особо охотно посещаемое.

Дома отапливались соломой или *кизяком*, а в некоторых домах и каменным углем [10, с. 745]. Для освещения использовали лучину, ...в богатых домах – керосин.

Как свидетельствуют документы, «молоканки, кроме полевых работ, искусно прядут шерсть, красят ее и ткнут великолепные пояса, и вообще они очень деятельны» [12, с. 293]. По данным В. Корсакова, молоканские женщины зимними вечерами ткали ковры из шерсти и ветоши. Шерсть сначала окрашивалась в различные цвета, главным образом, желтый, зеленый, красный, лиловый, затем из шерсти ткали полосы шириной в аршин и длиной в десять аршинов. Эти полосы затем сшивались. Ковры хранились дочерям в приданое.

Во время молоканской свадьбы обряд осуществлялся в доме жениха, где собирались все приглашенные. Жениха подводили к отцу, которому он трижды кланялся в ноги, прося прощения и благословения на всю жизнь. Присутствующий при этом пресвитер делал жениху наставления, говоря, о том что он оставляет дом отца и должен жить своим домом, затем предлагал отцу возложить руки на голову сына и повторять за ним краткую молитву, призывая на сына Божье благословение. После этого все гости жениха садились на подводы и свадебный поезд направлялся в дом невесты. На первой подводе ехал пресвитер, жених и, исполняющие роль посаженных отца и матери, ближайшие родственники. Все они ехали без шапок с пением стихов. В доме невесты происходил обряд венчания, состоявший из чтения Евангелия и поучения от наставника. Затем весь поезд вместе с молодой женой с пением возвращался в дом молодых, где происходил обед, по окончании которого ставилось блюдо, и каждый из гостей что-либо клал «на первое обзаведение молодых» [10, с. 744].

Отношения в семьях молокан были основаны на уважении и почитании старших и, прежде всего, отца. Дети находились в полном повиновении родителей. Молокане отличались нравственным поведением, «зная подноготную каждого, они делают вид, что ничего не знают» [10, с. 745].

А.И. Столов отмечает, что молокане, основывавшие свое вероучение на 13 стихе, 13 главы Послания апостола Павла к римлянам, «удалили из своей среды все внешние удовольствия и прихоти плоти. Пышность, нарядность, головные и грудные украшения и сами увеселения, музыку, светские песни и пляски, курение табака – все это они считают неприличным» [11, с. 310].

Ведя здоровый образ жизни, молокане на новых, ранее не обжитых местах, в течение короткого времени создавали благоустроенные хозяйства и начинали жить достаточно зажиточно. Слухи об этом распространились в центральных регионах России, что способствовало появлению новых сторонников молоканского движения.

После прихода на престол императора Николая I отношение правительства к молоканам и духоборцам резко изменилось. В 1837 году принимается Указ о переселении их в Закавказье, «дабы они не распространяли на православных и католиков свою ересь». Начались испытания верующих в новых землях...

Таким образом, на основании изучения источников и литературы, можно сделать вывод, что драматическая история переселения молокан в Таврическую губернию в начале XIX в., их групповая самоорганизация, основанная на жестких внутригрупповых моральных установках, позволила в достаточно короткие сроки адаптироваться к сложным природно-климатическим условиям южных степей и создать экономическую базу для становления традиционной бытовой культуры в условиях преследования правительств Екатерины II и Николая I.

Источники и литература:

1. Абрамов Я. История духоборцев и молокан /Я. Абрамов //Живописная Россия. – № 23, №24. – 1905: [Электронный ресурс] – Режим доступа: /http://sdhm.ru/187-istorija-dukhoborcev-i-molokan..html
2. ГА АРК. – Ф. 27. – Оп. №1. – Д.1183. – Л.2.
3. Тикунов А.В. Молокане/А.В.Тикунов [Электронный ресурс] – Режим доступа: 3http://www.chestisvet.ru/index.php4?id=25&otv=265
4. Абрамов Я. Там же.
5. ГА АРК. – Ф. 27. – Оп. – №1. – Д.1183. – Л.1.
6. Там же.
7. Там же. – Д.1127а. – Л.2.
8. Абрамов Я. Указ. соч.
9. ГА АРК. – Ф. 27. – Оп. 1.– Д.1127а. – Л.2.
10. Корсаков В. Молокане. Из заметок земского врача. /К. Корсаков. //Русский Вестник. – 1880. – №3. – С.739-773.
11. Столов А.И. Несколько слов о молоканах в Таврических степях. /А.И. Столов. //Отечественные записки. – 1870. – С. 298-313.
12. Филиберт А. Несколько слов о молоканах в Таврических степях /А. Филиберт. //Отечественные записки. – 1870. – С. 292-297.

Корсун А.М.**УДК 930.5 (4)****ЗАХІДНОЄВРОПЕЙСЬКИЙ МЕГАЛІТИЗМ ЯК СОЦІОКУЛЬТУРНЕ КОЛО**

Незважаючи на століття вивчення, місце західноєвропейського мегалітизму в історії світової культури не є сталим. Серед гіпотез щодо походження мегалітизму найпоширенішими є такі: орієнтальна гіпотеза [4], гіпотеза дифузії релігійної ідеї [2], гіпотеза міграції дольменної культури з Середземномор'я в Абхазію [22; 23], гіпотеза про палеолітичне походження мегалітизму [20] та гіпотеза атлантичного інваріанту європейського неоліту [2]. Головною вадою всіх цих гіпотез є використання майже виключно археологічних джерел, а культурологічний аналіз у вказаних роботах був поверховим і занадто модернізуючим. Разом з тим, накопичена інформація дозволяє говорити, що за часом, географічним ареалом виникнення та за своїм соціокультурним надбанням західноєвропейський мегалітизм може вважатися (наряду з Близькосхідною зоною) центром неолітичної революції, яка заклала основи самобутнього культурного укладу європейської цивілізації. **Мета** статті полягає в аналізі західноєвропейського мегалітизму як особливого соціокультурного феномену.

Пропонується поглянути на мегалітизм як на особливе соціокультурне коло, що сформувалося у Західному Середземномор'ї й принципово відмінне від інших культурних кіл Європи. Для доказу цього, слід розглянути матеріальну культуру мегалітизму у порівнянні з матеріальною культурою інших культурних кіл Європи доби неоліту-палеометалу: близькосхідно-дунайським неолітом, номадами-індоєвропейцями, фінно-угорськими та афро-азійськими племенами.

Антропологічний тип мегалітичного населення – доліхокранна середземноморська (євро-африканська) раса [26, с. 273]. Навпаки провідний тип передньоазійського неоліту – арменоїдна брахікранна раса, що фіксується і антропологічними даними і серіями статуток із зображенням богині-матері з так званою «пташиною головою» [16, с. 112]. Значне поширення у мегалітичних народів мало обрізання, до того ж, подібно до лівійців історичної доби, мегалітичні чоловіки носили особливий футляр для пенісу (так званий «лівійський футляр»), який надійно фіксується на петрогліфах Іберійського і Скандинавського [17, с. 263-265] півостровів, а також на кераміці Криту [27, с. 124]. Гіпотетична наявність жіночого обрізання. На ранньому етапі мегалітизму було поширено татуювання, але з плином часу воно було ритуально заборонене [пор.: Лев., 19:28; Второзак., 14:1].

Найближчими до мегалітичних народів за антропологічним типом були афро-азійські народи, також репрезентовані євро-африканською расою [26, с. 229]. У цих народів понині поширене чоловіче та жіноче обрізання, а також носіння «лівійського футляра» [7; 27]. Також у афразійців були поширені татуювання, але у семітів на нього була накладена міфоритуальна заборона [Пс. 19:28].

Індоевропейські племена ямної культурно-історичної спільноти належали до пізньокроманьйоїдної раси [9, с. 174], до якої (з більш вираженими пізньокроманьйоїдними рисами) відносяться і мезолітичні племена фінно-угрів, які відомі у неолітичну добу як племена ямково-гребенцевої кераміки [12, с. 53]. Слід зазначити відсутність в обох цих спільнотах обрізання та татуювання: перше пов'язане з анатомічними особливостями раси, друге – з кліматичними особливостями регіонів проживання, але аналогом татуювання у цих народів може вважатися орнамент одягу [28, с. 125].

Генетичні дослідження засвідчують, що серед сучасного індоевропейського (за мовою) населення Західної та Південної Європи велика чисельність носіїв генів, що відносяться до мегалітичного субстрату, а генетичний портрет сучасної Великої Британії значно ближче до населення Іберійського півострова, ніж до сусідніх з нею країн [2]. Цей факт підтверджує свідчення англійських хроністів щодо африканського походження доіндоєвропейського населення Британських островів. Таким чином можна говорити, що індоевропейська інвазія не змогла змінити мегалітичну генетику Західної Європи.